

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Фан Сяожань
на тему: «Феномен карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя»
по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук диссертация Фан Сяожань «Феномен карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя» представляет собой серьезное и обстоятельное исследование. Диссертацию отличает композиционная стройность, строгая логическая последовательность в изложении материала. Наиболее основательный характер носят первая глава диссертации «Теоретические основы изучения феномена карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя», и второй и четвертый разделы второй главы «Карнавализованный рассказчик в “Вечерах на хуторе близ Диканьки”» и «Телесность и пища в карнавальной системе». В третьей главе — «Трансформация карнавального начала в позднем творчестве Н.В. Гоголя» — детально рассматриваются многочисленные мотивы духовно-пастырского гоголевского обличения. Привлекаются все художественные произведения писателя и его эпистолярное наследие.

Актуальность работы объясняется необходимостью изучения давно назревшей проблемы соотношения в творчестве Гоголя фольклорного и христианского начал, «карнавального» и духовно-нравственного содержания. Во вступительной, теоретической части исследования детально охарактеризована карнавальная народная культура, которая, как не раз подчеркивает соискатель, является «нарушением установленного порядка» (с. 9 диссертации), «временным снятием социальных границ» (с. 10) и социальной иерархии (с. 59); носит «жизнеутверждающий и обновляющий характер» (с. 9). Подчеркивается, что смех уравнивает знатного и незнатного.

Эти положения М.М. Бахтина в диссертации представлены в качестве аксиомы. Однако, следует, на наш взгляд, учитывать, что Бахтин писал в советское, подцензурное время и, конечно, не мог открыто говорить о том, что преодоление сословных границ свойственно не только атмосфере карнавала. В гораздо большей степени преодоление социальных рамок происходит перед лицом вечности. Пред концом жизни богатый и бедный тоже равны. И в этом нет уже никакого смеха, никакой смеховой культуры. Ветхозаветный Иов, библейские цари Соломон и Давид, святой апостол Павел и, вслед за ними, бесчисленное множество христианских подвижников, в числе которых благоверные князи и цари, так говорили об этом уравнивающим всех итоге: «...Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь» (Иов. 1, 21; см. также: Пс. 48, 17–18; Екк. 5, 14; 1 Тим. 6, 7).

Таким образом, не только осмеяние и смеховая культура уравнивают человека в правах. В еще большей мере это присуще трезвому духовному взгляду, который и «присвоила» себе карнавальная традиция. Соискатель отмечает, что «смерть парадоксально превращается в единственный способ освобождения личности от абсурдности и невыносимости социального существования» (с. 10). Но чему отдать предпочтение при анализе гоголевских образов, сознательно-христианскому началу или стихийно-смеховому, большой вопрос. Очевидно только, что признавать это исключительной принадлежностью карнавала будет неверно.

В работе говорится также, что сатирик отделяет себя от осмеиваемого явления (с. 20). Но к Гоголю это опять-таки не относится. Писатель сам признавался, что его сатирические образы — это результат не только наблюдений над недостатками других, но и следствие личного душеведения, и что читатель, смеясь над его героями, смеялся над ним самим.

Гоголь как художник-этнограф, изучающий в своем творчестве духовный менталитет народа, отражает, конечно, и смеховую народную стихию, но делает он это с определенной дистанции. Писатель является не только носителем народной традиции, но и трезвым ее оценщиком.

Стихийно-бессознательным художником Гоголь никогда не был. То, что картина народных нравов, в том числе карнавальных, попадает в его палитру, еще не означает, что эту сферу он безусловно одобряет и сам является ее носителем как «явление смеховой литературы нового времени» (с. 40). К примеру, какой «карнавал» можно усмотреть в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»? Диссертант видит проявление карнавального начала в шароварах героев и в их прозвищах, а также в гоголевской фантастике про бурую свинью, укравшую бумаги (с. 61–62), однако, непонятно, почему это непременно связано с карнавалом. Почему, в свою очередь, изображение демонических сил — это тоже примета только карнавала? (с. 62–64, 82). Излюбленный Гоголем образ зеркала (с. 64–65) тоже не вполне основательно сводить лишь к влиянию карнавальной культуры. В чем и где карнавал в «Мертвых душах»? Вряд ли «прореха пониже» спины в халате Плюшкина восходит к «традиции бросания муки и конфетти» с римских балконов во время карнавала (с. 100); неубедительны и попытки соискателя связать с карнавалом слухи и сплетни и атмосферу «всеобщей тревоги» в поэме (с. 103).

Бахтин писал, что «карнавал <...> ничего не абсолютизирует, а провозглашает веселую относительность всего» (эта цитата приводится в диссертации — с. 20–21). Но «веселой безотносительности» не было у Гоголя уже и в самых ранних его повестях. Позднее в «Развязке Ревизора» он заявлял: «Что ж в самом деле, как будто я живу только для скоморошничества?». Другими словами, карнавальную традицию надо изучать *вместе* с Гоголем, принимая его христианский взгляд на эти явления, — а не приписывать художнику взгляды его героев. Гоголь исследует народный менталитет, в чем он опережает многих этнографов, занимавшихся по преимуществу бытовым, а не духовным содержанием народных обрядов. В этом смысле и фольклорный подход к Гоголю, и бахтинский, карнавальный, вполне применимы, с той лишь существенной оговоркой, что изображаемый писателем мир оценивается с определенной

дистанции, с позиции внимательного ученого-этнографа, — а не бессознательного носителя фольклора. Именно в этом, на наш взгляд, заключается мировоззренческая широта Гоголя, а не в том, что он будто бы слепо следует языческим празднествам и народным суевериям, погружен в них всей душой.

Смещение предмета изображения с взглядами самого художника чревато недоразумениями и ошибками. На карнавальную стихию сам Гоголь смотрит определенно критически. Например, в «Майской ночи...», на которую в качестве примера ссылается Бахтин. Все события в этой повести (прежде всего гульба веселящихся парубков) разворачиваются, по Гоголю, определенно «недозволенное», с точки зрения добропорядочных обычаев, время, а именно, ночью — «когда благочестивые люди уже спят» (как сообщает об этом рассказчик). «Нет, хлопцы, не хочу! — увещевает парубков главный зачинщик гуляний Левко. — <...> Как вам не надоест повесничать? И без того уже прослыли мы, Бог знает какими буянами. Ложитесь лучше спать!»

Еще несколькими репликами героев автор подсказывает, какого рода «вдохновение» охватывает гуляющих ночью «вволю» молодежь. «Плечистый и дородный парубок», «первый гуляка и повеса», восклицает: «“Что за роскошь! Что за воля! Как начнешь *беситься* — чудится, будто поминаешь давние годы”. <...> Толпа шумно понеслась по улицам. И благочестивые старушки, пробужденные криком, подымали окошки и крестились сонными руками...» «Бесник, ночной повеса», — отметил позднее Гоголь в своем «объяснительном словаре» русского языка. «Хлопцы бесятся! бесчинствуют целыми кучами по улицам», — сообщают в «Майской ночи» сельские десятские. Главный герой повести Левко, конечно, по-карнавальному готов «*побесить* хорошенько» голову (который приходится ему родным отцом) (это отмечает диссертант; с. 59), но ошибочно думать, что Гоголь разделяет мировоззрение героя.

«Крайние точки» в гоголевской оценке карнавального веселья — от невольного увлечения юношеским гуляньем (при сохранении, однако же, трезвой дистанции) до очевидного осуждения гульбы-беснования. «Трудно рассказать, — замечает рассказчик “Ночи перед Рождеством”, — как хорошо потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и <...> парубков... <...> ...На шалости сам лукавый подталкивает сзади. <...> Парубки шалили и *бесились* вволю». И стал бес «такой гуляка, — как бы “продолжает” рассказчик “Сорочинской ярмарки”, — какого теперь не сыщешь между всеми парубками нашими. С утра до вечера то и дела, что сидит в шинке». Герой другого раннего произведения Гоголя, незавершенной повести «Страшный кабан», сетует: «В самом деле, на что я похож? <...> Все гулял, да гулял. <...> Напьешься, как собака, да и протрезвишься тоже, как собака, если не протрезвят тебя еще хуже». Отсюда недалеко уже и до гульбы «дьявола в человеческом образе» Бисаврюка в «Вечере накануне Ивана Купала»: «...Днем он был почти невидимка <...> Ночью же только и дела, что пьяная шайка Бисаврюка <...> с адским визгом и криком рыскала по оврагам или по улицам соседнего села...» Гулянье парубков «Майской ночи...» занимает как бы срединное положение в этой широкой градации.

Но, согласно размышлениям Гоголя, даже и самое «невинное» карнавальное веселье представляет собой в конечном счете если не прямо греховное, то во всяком случае пустое и бездумное времяпрепровождение. Фан Сяожань об этом лишь упоминает (с. 81), оставляя авторскую позицию в стороне. В 1840 году в черновой редакции восьмой главы первого тома «Мертвых душ» Гоголь замечал по поводу праздничного гулянья, что «молодежь», скрывшаяся под «карнавальными масками» (Гоголь писал это в Риме), «раз в год хочет безотчетно завеселиться, закружиться и потеряться в беспричинном веселье, избегая и страшась всякого вопроса, а <...> маски на их лицах <...> как будто смотрят каким-то восклицательным знаком и вопрошают: к чему это, на что это?». Конечно, всего этого не найти у М.М. Бахтина. Но если мы беремся применять его теорию к творческому

наследию Гоголя, то надо услышать и ответ писателя на непроверенные тезисы.

Реальный материал воочию показывает, что карнавальное полуязыческое веселье — как малороссийское, так и итальянское (в Риме) — Гоголь не одобряет. Изображая народное явление и вполне его понимая, автор остается в позиции оценивающего этнографа. Традиция изображать Гоголя бессознательным, аморфным художником идет от В.Г. Белинского, давно пора с ней распрощаться. Радикальному критику эта позиция нужна была, чтобы навязать читателю свою точку зрения — приписать гоголевским произведениям оппозиционный смысл (мол, писатель сам не понимал, что пишет, и вот сейчас все это растолкует нам критик Белинский). К науке это отношения не имеет. На самом деле, пожалуй, нет более сознательного и вдумчивого художника, чем Гоголь.

Никакой реабилитации у Гоголя «телесного низа» тоже нет, как нет и «отрицания» социальных норм (с. 39), что опрометчиво заявлял Бахтин. Есть, напротив, всегдашняя насмешка и постоянный сарказм художника над самодовольной стихией чувственности, олицетворяемой, в частности, отделившимся от лица Носом. Отделение носа — стихийное господство в человеке чувственных страстей — отнюдь не является, вопреки предположению соискателя, свидетельством «нового жизненного цикла» в существовании героя (с. 146). Вполне произвольно диссертант заявляет, что «возвращение Носа происходит в праздник Пасхи» (с. 146). Не говорю уже о заявлении, будто Нос в гоголевской повести «уподобляется Спасителю» (с. 66, 120). Все это произвольные натяжки интерпретаторов. В 1832 году, которым датировано действие гоголевской повести, 7 апреля, день возвращения Носа на свое место, приходилось на Великий Четверг, а это хронологическое приурочение автором событий повести прямо перекликается с признанием разгульного бурсака Хомы Брута в «Вии», который «ходил к булочнице против самого страстного четверга». Т. е., не взирая на строгий — строжайший — пост, на Страстной Четверг, герой

«Носа», как и гуляка Хома Брут, опять собирается к «смазливеньким» уличным торговкам. В этом заключается *кощунственность* его поведения (герой даже в храме, в Казанском соборе, занимается тем, что разглядывает юную девушку).

Именно об *этом* говорит Гоголь в «Носе» — а не о том, будто герой на Пасху начинает, с вернувшимся на лицо носом, «новый жизненный цикл». При анализе «Носа» исследователь забывает сказанное им же в другом месте диссертации, что действие «Вечеров на хуторе близ Диканьки» или, к примеру, «Женитьбы» разворачивается не только «на фоне или в преддверии праздника» (с. 58), но и почти всегда либо в пост (пятничный, Рождественский, Успенский) (с. 69–70, 121), либо с нарушением других духовных запретов.

В самоубийстве художника Пискарева в «Невском проспекте» — тоже, вопреки заявлениям диссертанта, нет никакого карнавала, — нет «освобождения и перехода к возможности нового существования», как пишет соискатель (с. 146). Самоубийство и трагично, и греховно, никакого «карнавального облегчения» (с. 148) и «комедии» (с. 146) здесь нет и быть не может. В освещении таких вопросов нужно быть немного богословом (как, впрочем, во всем, когда говорим о Гоголе). Апостол Павел пишет, что, находясь в земном теле, мы воздыхаем под его бременем, однако хотим не «совлечься» тела, т. е. не истребить и уничтожить себя, а напротив, «облечься» в новое тело, дабы «смертное» было поглощено жизнью (2 Кор. 5, 4–5). Самоубийством облегчение от земного бремени не обретается.

Столь же странно было мне как оппоненту встретить в диссертации рассуждение о «позитивном смысле смерти» в словах Гоголя в «Мертвых душах», что «могила милосерднее» старости. Цитирую: «...На могиле напишется: здесь погребен человек! но ничего не прочитаешь в <...> бесчувственных чертах <...> старости». Думаю, тут просто языковой барьер помешал исследователю увидеть глубокий трагизм гоголевской фразы о «милосердии могилы». Никакого «позитивного смысла» в этом могильном

«милосердии», конечно, нет. Это просто экспрессивное выражение художника, призванное показать, что в сравнении с мертвой, бездуховной старостью даже могила выглядит более человечно: в ней заключена надежда на воскресение, а старость «мертвой души» этой надежды не имеет.

«Сквернохульничество» умирающего в бреду Башмачкина тоже под карнавальное веселье никак не подходит (диссертант безуспешно тоже пытается привязать «Шинель» к карнавалу; с. 149). Облик Башмачкина-мстителя, с лицом «совершенного мертвеца», ртом, разящим «страшно могилою», вряд ли возможно считать позитивной, «новой, деятельной сущностью» Акакия Акакиевича.

Чрезвычайно важный по содержанию заключительный раздел диссертации Фан Сяожань — «Тема смерти в карнавальном пространстве» — представляется мне в этом свете весьма показательным. Исследователь, увлеченный модной теорией, здесь оказывается в тупике. Основанные на предвзятой теории интерпретации оказываются в итоге произвольными и натянутыми.

Автор приводит мнение Бахтина: «в игре завязываются и развязываются <у Гоголя> все сюжетные узлы» (с. 39). Но здесь ученый, развивая свои взгляды, едва ли не намеренно проходит мимо главного — того, что у Гоголя во всех произведениях — «Вечерах...», «Ревизоре», «Игроках», «Мертвых душах» и др. — прежде всего и больше всего изображается *мошенническая* игра — с подменой карт, записок, обликов, масок-«образин», — что черты гоголевских героев-«игроков» являются предметом христианского обличения, а не амбивалентного любования.

Можно предположить, откуда у Бахтина появился взгляд на героев Гоголя как на чуть ли не положительных персонажей. Первым такую точку зрения высказал в 1842 году славянофил Константин Аксаков в двух своих статьях о «Мертвых душах» — «Несколько слов о поэме Гоголя: “Похождения Чичикова, или Мертвые души”»; «Объяснение» (см. подробнее: *Виноградов И.А.* Славянофильство и западничество в споре о

поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: не востребованное и забытое // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 1. С. 138–139). Согласно К.С. Аксакову, «юмор» Гоголя не столько разоблачает, сколько «реабilitирует» «опустевшую» жизнь: «Юмор <...> у Гоголя <...> не мешает <...> во всем ничтожном <...> находить живую сторону» (Аксаков К. Объяснение // Москвитянин. 1842. № 9. С. 225). Очевидно, однако, что скорбь создателя «Мертвых душ», его смех сквозь слезы — об утрате падшим человеком образа и подобия Божия — критик принципиально игнорирует. Подобным образом и М.М. Бахтин заявляет о героях Гоголя, что те хоть и представляются читателю в «малом времени» «отрицательными» и «ненавистными», однако в вечности все они позитивны. По словам ученого, «все эти Плюшкины, Собакевичи <...> показаны со всей причастностью <...> не умирающему бытию» (Бахтин М.М. Рабле и Гоголь: (Искусство слова и народная смеховая культура) // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. М., 2010. Т. 4 (2). С. 521).

Согласимся, что и Аксаков, и Бахтин уловили в отрицательных персонажах Гоголя их действительно позитивную основу — возможность их возрождения и воскресения. Но оба исследователя перетолковали этот гоголевский христианский взгляд превратно, реабилитировав попутно «пошлость», с которой неустанно боролся писатель в своих героях. Бахтин, словно повторяя Пушкина, заметившего: «Что пройдет, то будет мило» (Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: 1947. Т. 2. Кн. 1. С. 415), заявлял, что взгляд из вечности придает отрицательным образам «Мертвых душ» позитивный смысл. Однако очевидно, что ни под каким взглядом, тем более из вечности, «пошлость» «милой» и приемлемой никогда не станет, реабилитации она не подлежит и в рай не попадет. Именно об этом гоголевский смех сквозь слезы, скорбь писателя о «мертвых душах» своих современников.

Относительно теоретической составляющей работы Фан Сяожань, можно, таким образом, сделать следующий вывод. Диссертация наглядно

демонстрирует, что приложение любой теории, не только бахтинской, к Гоголю всегда останется для понимания его наследия недостаточным. Теорию необходимо корректировать взглядами самого писателя. Употребляя современные научные термины, абсолютно-универсальный, «этический» подход (etic-подход) должен сопровождаться эмическим (emic) — направленным на специфику и уникальность явления. Это тем более справедливо, что и сам Гоголь был не только писателем, но и мыслителем, критиком и теоретиком литературы. Его «Учебная книга словесности для русского юношества» — только вершина айсберга, лишь малая часть далеко не изученной этой стороны его наследия. Творчество Гоголя, безусловно, следует рассматривать с точки зрения общих, универсальных категорий, но эти категории органичны наследию самого Гоголя — и их, несомненно, больше чем в какой-либо отдельно взятой теории. Инструментарий должен быть столь же широк, как само творчество писателя, т. е. должен учитывать все грани уникального наследия, быть адекватными предмету исследования.

Представленная к защите диссертация свидетельствует, что в отношении к Гоголю один только карнавальный подход явно недостаточен и далеко не исчерпывает всей глубины и многомерности наследия христианского писателя. Критика бахтинской теории С.С. Аверинцевым, В.М. Живовым и другими исследователями (их работы подробно анализирует соискатель), очевидно, применима и в отношении к использованию этой теории в понимании Гоголя. К этим выводам близок, кстати сказать, и сам автор диссертации. Фан Сяожань замечает: «...В современной рецепции наблюдается тенденция к чрезмерному использованию теории <Бахтина> при анализе разнородных феноменов, что актуализирует проблему определения границ ее применения» (с. 38). При всей увлеченности бахтинской теорией, исследователь не скрывает того, что, по мнению одного из зарубежных ученых, канадского исследователя Мэтью Уокера (2015), Гоголь — «не воплощение карнавала, а враг карнавала» (с. 57). Подобную объективность научного анализа Фан Сяожань можно

только приветствовать. (К критикам теории Бахтина, которых добросовестно и обстоятельно перечисляет автор, я бы добавил еще работу белорусского профессора А.Н. Андреева, автора статьи «“Бахтинобум” как симптом кризиса в литературоведении» — напечатана в сборнике «Литературоведение на пороге XXI века»; М., 1998).

Вслед за современными исследователями, Фан Сяожань задается вопросом: «...Был ли смех Гоголя (впрочем, как и Рабле) “светлым”, “высоким”. Совместимы ли мертвые души и омертвление вообще с карнавалом?» (с. 55). Диссертант, в частности, замечает, что «по отношению к <...> городскому “карнавалу”» «Невского проспекта» Гоголь «занимает четко критическую позицию» (с. 56). В этом выводе, недостает, однако, на наш взгляд, вполне резонного и логичного вывода о том, что, согласно Гоголю, всевозможные Солохи, Пацюки, Хиври, Халявы, Довгочхуны и другие малороссийские персонажи, так же мало, как и обитатели столичного Петербурга, имеют отношение к подлинной жизни, они тоже представляют собой ее «пошлую» имитацию. Совсем не случайно описание сельской дороги, ведущей к сорочинской ярмарке в «Вечерах...» (где обитают в основном местные щеголихи и их пьяницы-мужья и женихи) прямо предваряет у Гоголя последующее описание «всеобщей коммуникации» общероссийской ярмарки Северной столицы. «Карнавальную» жизнь и петербургских, и малороссийских обывателей Гоголь определенно *обличает* (а не восхищается ею, не живет с нею заодно). Искусственность и фальшь пронизывают, по Гоголю, и провинцию, и столицу (последнюю в большей мере). Это позиция христианского обличителя нравов, а не представителя карнавальной культуры.

Аргументов в пользу карнавального начала в произведениях Гоголя у соискателя, прямо скажем, немного. Наиболее значимыми можно признать наблюдения над «карнавализованными рассказчиками» в «Вечерах...», а также над гротескным изображением в том же цикле материально-телесного начала (раздел диссертации «Телесность и пища в карнавальной системе»).

Из других аргументов, приводимых Фан Сяожань в доказательство карнавального начала у Гоголя приняты могут быть немногие. Например, непонятно, почему попович, подъезжающий к Хивре в «Сорочинской ярмарке» — как и дьяк к Солохе в «Ночи перед Рождеством», — являются представителями карнавальной культуры? Гораздо больше оснований видеть в этих героях последователей библейских «поповичей», «погибельных сыновей» священника Илия в Первой Книге Царств, ведущих себя соответствующим образом. Пошлые герои Гоголя далеки от христианского образа жизни, однако это автоматически не означает, что они являются непременно носителями «карнавальной логики» и представителями карнавальной культуры (с. 72).

Вполне произвольно «карнавальное состояние» исследователь находит в «Старосветских помещиках» (если приказчик обманывает хозяев, или если Пульхерия Ивановна верит в приметы, это еще не повод причислять патриархальный старосветский мир к карнавальному). Непонятно также, почему «шпонька» (запонка) является, по мнению соискателя, предметом «женского гардероба» (с. 68). Как справедливо замечает Фан Сяожань, «мотив ряжения мужчин в женщин и наоборот <...> характерен как для фольклора, так и для литературной традиции» (с. 68–69), — следовательно, представить это исключительной приметой карнавала является натяжкой. Отмечаемое в «Вечерах...» срастание народа в единое тело (с. 84) — и гоголевское представление о человечестве как едином организме — тоже принадлежит отнюдь не только карнавальному миру. Церковь тоже учит о едином церковном теле народа (см. об этом: *Виноградов И.А.* Христианский град Оксиринх. К истории «душевного города» Гоголя // Два века русской классики. 2025. Т. 7. № 1. С. 87–94). Лестница — это тоже не только предмет карнавального мира (с. 134–135), но и традиционный христианский символ.

Фан Сяожань почему-то полагает, что «местом рождения» Хомы Брута является «хлев» и видит в этом карнавальную «профанацию сакрального»

(с. 70–71). Но в хлеву родился Сам Спаситель и никакой профанации, «контраста между религиозным и мирским» (с. 71), в этом не заключено.

В целом отмеченные промахи в интерпретациях многозначных образов гоголевских произведений не ставят под сомнение важные, бесспорные достоинства проделанной Фан Сяожань работы. Диссертация является новаторским исследованием, позволяющим на новом уровне понять своеобразие творческого метода писателя. В работе широко использованы многочисленные работы предшественников. Соискателем востребовано более 250-ти научных публикаций. Содержание диссертации апробировано в докладах на нескольких научных конференциях, в том числе трех международных. Работа выполнена на высоком профессиональном уровне. Представленный соискателем труд и научные публикации в авторитетных журналах обнаруживают глубокого, вдумчивого исследователя. Защита настоящего труда, несомненно, будет способствовать дальнейшему становлению молодого талантливого ученого. Недочеты, встречающиеся в работе, не касаются существа исследования и принадлежат к числу тех, что легко устранимы при редактировании. Таким недостатком является, на наш взгляд, то, что диссертант порой считает излишним доказывать свою точку зрения.

Итак, подводя предварительные итоги, можно заключить: диссертация Фан Сяожань оставляет самое благоприятное впечатление своей основательностью, обстоятельным подходом к материалу, привлечением обширного круга источников и тщательной проработкой литературного наследия и исследовательских публикаций. Важное достоинство представленной работы — в ее подлинно научном, обстоятельном и, если не исчерпывающем, то весьма детальном и подробном освещении вопроса. В этом я вижу и заслугу научного руководителя диссертации, Владимира Алексеевича Воропаева, познания которого в гоголевской литературе и проблемах гоголеведения не имеют себе равных.

Как справедливо отмечает Фан Сяожань, «несмотря на обилие исследований, проблема остается дискуссионной» (с. 57). Именно это и

обуславливает прежде всего проблемность самой диссертации, которая, скорее, вызывает вопросы, чем дает окончательные ответы. Работа представляет все разнообразные точки зрения, не отдавая предпочтения какой-либо одной из них. Это, очевидно, объясняется двойственностью самого предмета исследования, охватывающего, как и сама народная жизнь, христианство и язычество. Этот исследовательский «дуализм» обозначен самим соискателем в разделе диссертации «Уязвимость карнавала и ее проявления». Но одновременно в этом дуализме заключается, на наш взгляд, высокая эвристическая значимость и продуктивность выполненной работы. Столь обстоятельного, аналитического обзора литературы по вопросу, а также попытки поднять литературно-научную полемику на новый научный уровень до сих пор в гоголеведении не было. Остается лишь благодарить Фан Сяожань на столь объемное, капитальное исследование. Обилие литературы по вопросу, привлеченной и очень основательно проштудированной соискателем, чрезвычайно значительно. В числе этих работ — около пятидесяти публикаций китайских исследователей. По широте и характеру проблем, это научное исследование, конечно, тема докторской, а не кандидатской диссертации. Тему работы Фан Сяожань выбрала для себя весьма сложную. Это в свою очередь свидетельствует, что соискателю по плечу задачи, которые по силам докторантам. В заключение отмечу хороший язык диссертации, ясный стиль изложения, хорошее владение научной терминологией. Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Отдельные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация Фан Сяожань «Феномен карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном

университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Фан Сяожань заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра «Русская литература и христианская традиция»
ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук»

Виноградов Игорь Алексеевич

06.02.2026 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

10.01.01 — Русская литература; 10.01.08 — Теория литературы. Текстология

Адрес места работы:

121069, г. Москва, ул. Поварская, 25А, стр. 1,
ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук»

научно-исследовательский центр «Русская литература и христианская традиция»

Тел.: +7 (495) 690-50-30; e-mail: info@imli.ru

Подпись сотрудника